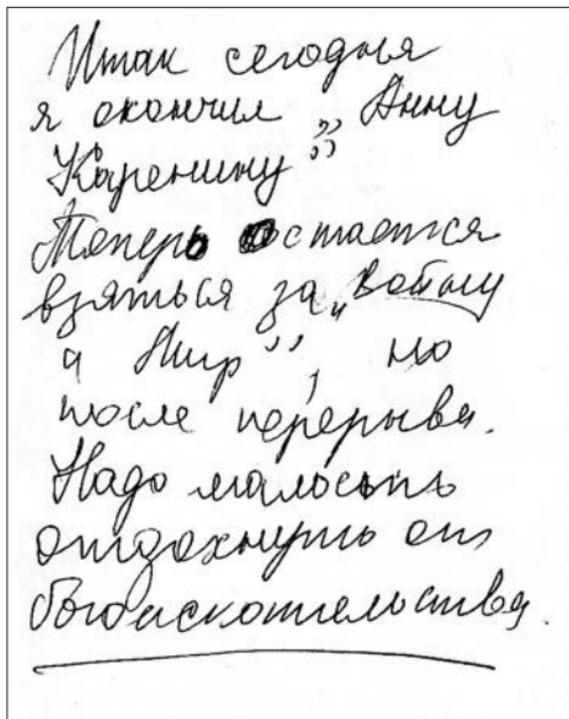


Недавно я обнаружил в своём архиве страничку из армейского дневника с любопытной записью, сделанной во время моей действительной военной службы в селении Коченево Новосибирской области.

Приглашаю уважаемых читателей вместе со мной заняться расшифровкой этой короткой записи, состоящей из трёх предложений.



Итак сегодня  
я окончил „Анну  
Каренину“  
Теперь ~~остается~~  
взяться за „Войну  
и Мир“, но  
наше перерыве.  
Надо мальеньк  
отдохнуть от  
бодаскотельства.

Предложение первое: «Сегодня я окончил „Анну Каренину“».

Какую информацию можно «выудить» из этого такого короткого и простого предложения? По самой конструкции понятно, что чтению романа «Анна Каренина» предшествовало чтение других произведений Льва Николаевича Толстого. Интересен уже сам факт, что у солдата срочной службы появилось время для чтения книг. И тем более для чтения подряд нескольких книг. Это говорит о том, что солдат — в моём лице — перешёл незримую черту, отделяющую первую половину службы от второй половины и в его «рационе» стало меньше «беготни» и больше «осёдлости». В терминах неуставных взаимоотношений солдат, прослуживший больше половины срока службы, становится

«стариком», или «дедушкой», со всеми втекающими и вытекающими из этого последствиями.

Предложение второе: «Теперь остаётся взяться за „Войну и мир“, но после перерыва».

Суть дела в том, что «придается» не только пицца телесная, не только «кирзуха», как иногда называют в армии перловую кашу по аналогии с кирзовыми сапогами, но и пицца духовная — скажем, книги одного и того же автора. Кроме того, нужно и время, чтобы пицца, и телесная, и духовная, была переварена и усвоена организмом.

Предложение третье: «Надо малость отдохнуть от богоискательства».

Спрашивается, откуда у меня, бывшего октябрёнком, юным пионером и ставшего с течением времени «зрелым» комсомольцем, рядового Советской армии, прочитавшего множество военных книг и просмотревшего множество военных кинофильмов, героями которых были пехотинцы и танкисты, артиллеристы и сапёры, снайперы и разведчики, подводники и надводники, подпольщики и партизаны, возникли-появились такие мысли — мысли о богоискательстве и об отдыхе от него? Какими были на тот момент мои знания и представления о Боге и богоискательстве.

Медная иконка отца, с которой он прошёл всю войну, его молитва, произносимая обыкновенно в состоянии крайнего подпития и сильнейшего страха: «Мать Пречиста Пресвятая Богородица, спаси и помилуй меня».

Рассказ матери о любимом дяде, брате её матери Михаиле Каллистратовиче Саланине, который во время ещё той, Первой мировой, германской войны попал в плен, и бежал из плена, и спрятался возле дороги в канаве, и читал молитву «Живый в помощи», и этой молитвой спасся и остался жив.

Рассказ матери о том, как моя бабушка Анна Каллистратовна вскоре после революции вынесла из дома в сарай все иконы, а спустя годы или десятилетия занесла их обратно из сарая в дом.

И другие рассказы, диалоги, анекдоты и заметки матери, показывающие такое народное, фольклорное, глубинное отношение к Богу и священникам:

«Как жить? — Отец лежит. Бог поможет, и мать положит».

«Пой да мажь, будешь поп наш...»

«Бог терпел и нам велел».

И как апофеоз её собственной веры в Бога и её собственного богоискательства — крик души: «И когда же кончится этот ад?..»

Позже пришло понимание, что существует своеобразная переключка материнских слов «Бог терпел и нам велел» со строками из стихотворения Николая Некрасова «Железная дорога», характеризующими «простого» строителя железной дороги Москва — Петербург:

Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:  
Трудно свой хлеб добывал человек!  
Не разогнул свою спину горбатую  
Он и теперь ещё: тупо молчит  
И механически ржавой лопатой  
Мёрзлую землю долбит!..

Надо было съесть не один пуд соли, чтобы понять, что Бог «велел» нам: «Любите друг друга».



**В армейской форме с комсомольским значком в 1978 году**

Теперь о том, как переработались и отобразились представления о Боге и богоискательстве в моих стихах разных лет, опубликованных в разных сборниках.

\*\*\*

Мысль, как позёмка, стелется,  
Ограждена заборами.  
Истории пятна белые  
Красный имеют цвет.

Язычники — христиане,  
Много зла претерпевшие,  
Мы Бога легко отринули  
И новых нашли богов.

Спонсоры нашего счастья —  
Министры внешних сношений.  
Разбойные принцы крови —  
Министры внутренних бед.

Руководящая сила —  
Истина без инстанций.  
Станции отправления,  
С которых возврата нет.

Мы были в своей отчизне  
Прилежными учениками,  
А нас обвиняли в лени  
И прогоняли взашей.

Что же нам остаётся  
В разных местах России,  
В Нью-Йорке и Амстердаме,  
В Швейцарии и Канаде —  
Историю с географией  
Заново изучать?..

## Отпуск в деревне

— Мил-человек, послушай.  
Хочу я облегчить душу.  
В нашей глухой деревушке  
Идёт сотрясение основ.  
Спорят о перестройке,  
Как о машинной дойке,  
Для наших забытых Богом  
Крупно-рогатых коров.  
Наш деревенский бухгалтер —  
Словно школяр в азарте.  
Он сбросил на счётах костяшки —  
Застойные дни свои.  
И, раненный прежним страхом,  
Сыплет на раны сахар,  
То есть твердит упорно  
Об исцелении.  
А рядом другие лица:  
Мол, это недолго продлится,  
Так что спешите упиться  
Ласками юных дев...  
Мирные христиане  
В недоуменье стояли,  
Свои ослабевшие длани  
К синему небу воздев:  
— Господи милосердный,  
Наши молитвы усердны.  
Где нам, в какой пустыне  
Правильный путь искать?  
Всё рассыпается прахом.  
Что же нам, сыпать сахар  
Или, забыв о сраме,  
Баб на снегу ласкать?..

\*\*\*

Как мы живём?  
Хлеб жуём,  
водку пьём

да крутим любовные шашни...

А где-то  
в середине земли  
перед погасшим костром  
греются  
последние строители  
Вавилонской башни.

Над ними  
лениво позёвывает  
времени ненасытная пасть.  
Им бы, бедолагам,  
на билет до Америки  
скинуться,  
а там бы, глядишь,  
они сумели попасть  
в Книгу рекордов Гиннеса.  
В современном мире язык — помело,  
тысячи ораторов  
разводят свои оратории.  
А для них язык —  
увеличительное стекло,  
от которого вспыхивает  
порох истории.  
От большого горя,  
от вселенской тоски  
древние строители  
на небо ополчились.  
Поэтому Господь  
и смешал языки,  
чтобы они лишь на помело  
и годились.

\*\*\*

Минувшее окидывая взором,  
Он, то угрюм, то весел, как пацан:  
— Сподобил Бог родиться под забором,  
Когда война объявлена дворцам.

\*\*\*

Полон мыслями благими,  
Сочиняю акростих,  
Чтоб любителей бикини  
На мякине провести.

А сосед снуёт по хате —  
Как всегда, навеселе.  
То как ангел на подхвате,  
То как ведьма — на метле...

### **Редкие встречи**

С годами всё чаще и чаще  
Я склонен к счастливой беседе —  
От вечных вопросов искусства  
До частных проблем бытия.  
Но ангел-хранитель ревнует  
Свою поднадзорную леди,  
Когда посторонний мужчина  
Находится в спальне Ея...